

Т.Г. Динесман

«Молитва»

Стихотворение «Молитва» («Я, мать Божия, ныне с молитвою...») (1837) относится к зрелой лирике Лермонтова. Строится как монолог лирического героя — мольба о счастье любимой женщины, о ее душе (вероятно, что в стихотворении речь идет о В.А. Лопухиной). В ходе монолога вырисовываются три образа: Божьей матери, лирического героя и той, о которой он молится. В общем контексте лермонтовской лирики существенно, что внутренняя драма героя, одинокого странника с «пустынной душой», отодвинута на второй план, а на первый выступает образ героини — ее нравственная чистота и беззащитность перед враждебными силами «мира холодного». Мольба за нее освещает с новой стороны образ самого героя: трагедия духовного одиночества не разрушила его глубокого участия и заинтересованности в судьбе другого человека. «Молитва» проникнута интонацией просветленной грусти, связанной с особым преломлением в этом стихотворении религиозных мотивов: существование «незлобного сердца», родной души заставляет героя вспомнить о другом, светлом «мире упования», в котором «теплая заступница» охраняет весь жизненный путь «достойной души» и ангелы осеняют ее на пороге смерти. Вместе с тем герой отвергает традиционные формы обращения к Богу с молитвой о себе:

Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,

как бы заведомо зная, что благодать не коснется его собственной «пустынной души». Лермонтов ввел стихотворение в текст письма М.А. Лопухиной от 15 февраля 1838 под названием «Молитва странника»: «В завершение моего письма я посылаю вам стихотворение, которое я нашел случайно в ворохе своих путевых бумаг и которое мне в какой-то степени понравилось, потому что я его забыл — но это вовсе ничего не доказывает».

Стихотворение высоко оценили современники Л. С.Шевырев, А. Григорьев и др.; В. Белинский сказал о нем — «чудная “Молитва”». Позднейшая критика (С. Шувалов, Л. Пумпянский, М. Пейсахович) особое внимание уделяла анализу метрической системы стиха (четырёхстопный дактиль, которому многочисленные сверхсхемные ударения в сочетании с пропусками ударений в ряде сильных мест и сплошь дактилической рифмовкой придали чрезвычайно своеобразный мелодический рисунок).